

Имена в литературе

Иная радость

Магнитка была поэтической колыбелью Люгарина, источником его вдохновения и ярких образов

Осенью 1930 года на Магнитострой с очередным пополнением прибыли два друга – двадцатилетний Михаил Заболотный и шестнадцатилетний Борис Кривощёков. На стройку они завербовались в Москве, куда ездили показывать стихи руководителю отдела поэзии журнала «Октябрь» Николаю Полетаеву. Тот назвал стихи слабыми и к печати не принял. Получив отказ, будущие поэты отправились на крупнейшую стройку пятилетки.

В конторе «Рабсила» Михаила Заболотного оформили землекопом. Он рыл котлованы под фундаментом первых домен и коксовых батарей, работал плотником и бетонщиком. Одновременно был активным членом литературного объединения «Буксир», занимался самообразованием, писал стихи, которые печатались в газетах «Магнитогорский комсомолец» и «Магнитогорский рабочий», в журналах «Штурм» и «За Магнитострой литературы». Жили друзья в рабочем дощатом бараке, который зимой промерзал насквозь. После короткого отдыха, обогревшись чайком, наскоро вскипячённым на печке-временке, уходили на стройку. Но на мысли о быте времени

не оставалось: всё время забирала работа и литературная деятельность. И если Борису нравилась круговерть, царившая на Магнитострое, то Михаил отчаянно тосковал по деревне и выливал свои чувства в тихие меланхолические стихи.

Весной 1931 года по приглашению магнитостроевцев к Магнитной горе приехал Демьян Бедный. Встреча с ним проходила в бараке на четвёртом участке, где размещалась редакция городской газеты и проходили занятия литературного кружка «Буксир». Бедный прочёл собравшимся стихотворение Михаила Люгарина «Иная радость», в котором тот передал чувства крестьянина, оторванного от дома, похвалил молодого поэта за «искренность и неподдельный лиризм».

Американские экскаваторы, бетономешалки, вагонетки, бараки, палатки, здания заводоуправления и гостиницы – все поражало Люгарина и просилось в стихи. Постепенно его рифмы наполнились бодрыми ритмами стройки.

Тогда будущие поэты ещё не знали, сколько испытаний уготовано им впереди. И что с Магниткой придётся расстаться на долгие годы, и только в конце жизни вновь вернуться на уральскую землю с тем,

чтобы обрести здесь признание, а затем и покой.

В октябре 1937 года Михаил, которого к тому времени больше знали по творческому псевдониму Люгарин, был арестован и после следствия, длившегося два с половиной года, приговорён к трём годам лагерей. Спустя два месяца арестовали и друга Бориса. Писатель Владилен Машковцев в одном из своих произведений приводит слова Люгарина: «Мойследователь Двойников долго уговаривал меня: мол, давай вместе что-то выдумаем. Предположим, ты намеревался взорвать домну! Или – ты замыслил уничтожить правительство и объявить себя главным вместо товарища Сталина!» В конце концов измученный допросами Михаил Люгарин подписал обвинение, даже не читая его. Борис Ручьёв и

другие члены объединения «Буксир» к тому времени были уже на Колыме.

Наказание поэт отбывал в Ивдельлагелепелоповале. Этот лагерь, расположенный в 600 километрах к северу от Свердловска в непроходимой тайге, считался одним из самых страшных в системе ГУЛАГа. Так характеризовал его и Александр Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Заключённые заготавливали, перевозили и сплавляли древесину, строили автомобильные и железные дороги, фабрики и заводы. Среди известных узников Ивдельлага – учёный, биофизик, основоположник гелиобиологии Александр Чижевский, полярный исследователь Павел Хмызников, строитель московского метро Иван Бажанов, поэт Михаил Люгарин.

В 1940 году, отбыв срок, Люгарин

был выслан в Казахстан. Работал слесарем на Ершовской машинно-тракторной станции, корреспондентом в редакции газеты «Сталинский путь». Спустя семь лет вторично репрессирован, и до 1955 года трудился на Севере, на Норильском медеплавильном комбинате. После освобождения поэт вновь вернулся в Казахстан и заведовал сельскохозяйственным отделом в редакции газеты «Коммунистический путь» в селе Боровском. В 1970 году он вернулся в Магнитку, работал по линии общества «Знание», занимаясь литературной деятельностью.

Судьба надолго разлучила его с лучшим другом Борисом Ручьёвым, но это только укрепило и закалило их дружбу. В 1956 году был реабилитирован Михаил Люгарин, Борис Ручьёв – годом позже.

Елена Брызгалина

Поэзия

Михаил Люгарин

«По Уралу бродит осень...»

День короче.
Ночь длиннее.
Холодна река.
И над городом густеют
Тучи-облака.
Над лесами ветры реют,
Словно вздох, тяжки.
Обрывают на деревьях
Жёлтые флажки.
Снова бродит волчья свадьба
За Медведь-горой.
Над колхозною усадьбой
Месяц голубой.
За верблужьими горами
Клёкот журавлей.
От завода над полями
Зарево огней.
Трактористу вновь не спится:
Пашет целину.
И сквозь пыльные ресницы
Видит он весну.

Поэту-другу Б. А. Ручьеву

Пожалуй, не бывает дня –
Хожу я в лес,
Себя не жалко.
Поймите,
Это у меня
Своеобразная рыбалка.
Пусть скажут:
«Правды нет в ногах», –
А у меня
Родились строчки:
На всех берёзах,
Тополах
Висят зелёные замочки.
– Попробуй,

Ототкни их свет, –
Шутя заметит
Мой попутчик.
Он не поймёт, что я поэт,
А не какой-то
Ванька-ключник.
Здесь всё мое
И не моё,
И воспеваю я немало –
У каждой молнии своё
Необычайное кресало.

По Уралу бродит осень,
Бабье лето...
Благодать!
Я хотел подняться в восемь,
А поднялся
Снова в пять.
Знать, родился я поэтом
Под иконой и дугой.
Вот в такое ж бабье лето –
В Святодуховке родной.
Вот в такое ж бабье лето
Породила меня мать,
Когда бабы до рассвета
Выходили жито жать.
Я люблю такую пору:
По лугам бредут зароды,
На токах пшеницы горы,
Полнокровьем помидоры
Расписали огороды.
Потому мне всё здесь мило,
Каждый кустик и мираж,
Я познал косу и вилы –
С детских лет,
Как карандаш.
Есть и дети,
Есть и внуки,
Но не спится старику –

Пригодятся мои руки
В эту пору на току.
Распахнула дали осень,
Шепчет ласково: «Взгляни,
Ты вот здесь, а люди спросят
Про стихи в такие дни».

1963 г.

Звериноголовская дорога

Н. Г. Кондратовской

Я давно живу не на Тоболе,
В городе живу
Огня и стали,
Но дубравы наши,
Наше поле
Снятся до сих пор
не перестали.
То зовёт,
То манит Притоболье –
Птичий край,
Людское хлебосолье.
Девушки
на редкость чернобровы,
Поцелуй их
Хмельней вина –
Родина поэзии Ручьёва
И моей поэзии весна.
Полюбил наш край
Не понаслышке,
Взбудоражив ветром волоса,
Обошёл его без передышки,
Оттого
В моих стихах полкнижки
Про озёра наши и леса.
Свои годы лирикой врачу,
Той, что там,
У зарослей куги.
На рассвете

Глядят рябь речную
Утки,
Как живые утюги.
По лугам цветут
Кипрей и рута,
Дикий мак,
Пестреют васильки.
Хвойные вздувая парашюты,
Сосны приземлились у реки.
А ещё мне снится
Дом крестовый
На углу Воздвиженской
в Зверинке,
Сруб сосновый –
Отчий кров Ручьёва,
Под окном берёзонька в косынке –
Белой в январе,
Зелёной летом,
В октябре
Пылающей как флаг.
Словно наряжалась для поэта,
Чтобы он любил её за это,
Чтобы он из дома – ни на шаг.
Круглолицым рос,
Голубоглазым,
И в словах звенела синева.
Что ни фраза,
То и рифма сразу –
И звучат поэзии слова.
Час рожденья –
Только лишь начало,
А окрепли ноги,
Так иди...
Позабудь ту зыбку, что качала,
Песни те,
Что мама напевала,
Самого себя опереди.
Голову склоняя над тетрадкой,
Не кичись,
Что ты уже поэт,
Поспеши за жизнью без оглядки,
Так иди,
Чтоб оставался след.
Помню, как покинули станицу,
Шли пешком
С восхода на закат.

И теперь,
Когда сомкну ресницы,
Та дорога
Золотой мне снится.
О, года!
Они летят как птицы.
Но... не возвращаются назад.
Шли вперед...
Уже тускнели дали,
За верстой
Была длинной верста.
Косачи у каждого куста,
Жаль до слёз родимые места!
А куда идём!
Ещё не знали,
Где он, исполн
Огня и стали,
Город без единого креста!
Но размахом
Первой пятилетки
Притянула нас
Магнит-гора.
Город начинался от рулетки,
Счастье начиналось с топора.
Колыбелью был
Тот дом сосновый,
А теперь я вижу,
Как во сне:
Есть в Магнитке улица Ручьёва
И стихи о нашей стороне.
Оттого, родные,
Как ни странно,
Налегке,
С дубовым батожком
Соберусь я –
Поздно или рано,
Поездом доеду до Кургана,
До Зверинки доберусь пешком.
Поклонюсь соседям у калитки,
От села дорога
До села.
Нам она крещением была,
Мы по ней спешили до Магнитки,
А она в поэзию вела.

1978 г.